

Фронтовику. Первостроителю. От благодарных горожан

В субботу на доме, где жил Мамед Гейдарович Бабаев, будет установлена мемориальная доска

По нему - книжки о прошедшем столетии писать: вся история страны в одной биографии. Все переплелось, ничего не минуло: и трагизм и торжество эпохи. Мамед Гейдарович Бабаев, вопреки всему, считал себя человеком счастливым. "Я не мечтал увидеть детей, а дожил до правнуков", - говорил он родным. А моей коллеге в 1987 году сказал: "Если бы не был строителем, не прожил бы столько"...

О нем в Коряжме газеты писали часто и в основном пафосно (время было такое: раз уважаемый всеми, значит, и жизненный путь должен быть без терний, как и подобает советскому человеку). А в Бабаеве многое в пафос не вписывалось. Но не задавались журналисты вопросом: почему столь уважаемый человек, вырастивший множество строителей-орденоносцев, так и не получил на лацкан ни одного государственного знака отличия? Почему выше старшего прораба так и не вырос?

Хотя его образование - строительный техникум и три курса университета по тем временам, казалось бы, открывало любую лестницу вверх. Впрочем, "вверх" Бабаев и сам не стремился: "там речи уметь говорить надо, а я не мастак"...

"Родился в 1905 году в Азербайджане, в селе Шахтахты Норошинского района, родители были крестьяне-бедняки, умерли рано. Воспитывали меня дедушка и бабушка, мне было 14 лет, когда умерли и они", - это из автобиографии Бабаева, которая хранится в городском архиве. Батрачил на зажиточного крестьянина, потом образовались совхозы, и он стал работать там. С 1927 года - в Красной Армии, где упрямил командира в свободное время посещать ликбез. А в 1932 году стал студентом строительного техникума. Окончив, строил новый Баку. И тогда впервые надел на ноги калоши. "Я смотрелся в них, как в зеркало, и плакал от счастья", - вспоминал Мамед Гейдарович...

Война застала его студентом Бакинского университета, окончившим третий курс. В личном деле - коротенькие, от руки написанные воспоминания о фронте. Война для Бабаева длилась недолго, но преследовала всю жизнь...

"Во время Великой Отечественной в конце 1941 года я воевал в отдельной Приморской армии в городе Севастополь. Цель севастопольской обороны состояла в том, чтобы задержать продвижение немцев на Кавказ... Гитлеровцы ежедневно обрушивали на город тысячи бомб и снарядов, город блокировали и с моря, и с суши. Не хватало людей, боеприпасов, топлива, продовольствия. Моряки и солдаты вели бой против танков врага бутылками с зажигательной смесью. Стоило человеку упасть, как пламя охватывало его..."

О создавшемся тяжелом положении было доложено ставке Верховного главнокомандующего. 30 июня 1942 года командующий Черноморским фронтом и Севастопольским оборонным районом вице-адмирал Октябрьский объявил решение ставки оставить Севастополь... 4 июля на Херсонском маяке Черноморского берега после ожесточенного кровопролитного боя мы ждали возможной эвакуации.

Старший лейтенант, старший политрук Бабаев тоже, наверное, убеждал своих солдат: за нами пошлют подводные лодки. Версия с надводными кораблями уже бы не прошла: фашисты не вступали в прямой бой с нашими солдатами, экономя живую силу, они методично "обрабатывали" их артиллерией и с воздуха. Ни один корабль на водной глади не укрылся бы от снарядов. Но жить хотелось, и в абсурд с подводными лодками севастопольцы верили. Но когда моряки-пехотинцы, которых фашисты окрестили "черными дьяволами" за отчаянное сопротивление, и солдаты, на глазах у всего изумленного мира державшие оборону Севастополя, поняли, что их "сдали", многие пускали себе пулю в лоб с криками: "Будь ты проклят, Сталин!". Об этом Бабаев в воспоминаниях не писал, но родным - рассказывал.

Очнулся Мамед, когда над головой услышал немецкую речь... "Евреи, командиры, комиссары, шаг вперед!". Его выдал свой, указав: этот - комиссар. Потом были 39 дней симферопольских застенков. Фашисты окрестили севастопольцев фанатами и методично, изощренно мстили им за свои потери. На расстрел уводили партиями, но до Бабаева очередь не дошла. Во время бомбежки нашей авиации плененные бежали, но это помогло избежать разве что пули. Приговоренные к расстрелу офицеры смешались с военнопленными-рядовыми солдатами.

Как писал Николай Шкаредный в очерке о Бабаеве в газете "За коммунистический труд" в 1982 году, "однопольчанин Мамеда Гейдаровича Иван Петрович Сидоров осколком стекла побрил своего политрука,

передел в рваную окровавленную солдатскую одежду". А потом были построения, и немцы опять выкрикивали: "Евреи, командиры, комиссары?!".

Но никто политрука не выдал. А того, первого, указавшего фашистам на Бабаева, прикончили свои же. Сразу. Севастопольцы и в плену оставались севастопольцами...

Потом были концлагеря в Германии, где фронт, даже такой, как севастопольская оборона, казался раем. В начале 1945 - удачный побег, который привел Мамедаво Францию. Голодный, изнеможенный, вышел в поле, где работали женщины. Оказалось, угнанные в неволю россиянки. "У нас хозяин добрый, он тебя спрячет". Так и вышло. Одна из батрачивших на француза - Фрося - стала потом женой Мамеда и матерью его детей...

"Не был бы строителем, не прожил бы столько", - Мамед Гейдарович знал, о чем говорил журналисту. Бывших военнопленных на родине ждали лагеря, теперь уже "свои", и пули - "свои". Во Франции он встретил азербайджанца, сумевшего сбежать из концлагеря и воевавшего во французском Сопротивлении.

-Как думаешь? Стоит возвращаться?

-Не надо. Тебя расстреляют, - ответил Бабаев.

Договорились с земляком, что когда Мамед встретит его родных, расскажет им о "героической смерти" товарища.

-И он это сделал? - представляя весь трагизм ситуации, спросила у сына Бабаева, Тофика Мамедовича.

-Сделал, как договорились. А как иначе? Родные не смирились бы, стали искать, и сами попали бы под расстрел...

У Мамеда была "везучая" профессия - строитель. Страна лежала в руинах, специалисты были нужны. А в контингенте для лагерей и расстрелов в стране, победившей фашизм, недостатка не было. До поры до времени, во всяком случае...

В автобиографии он пишет, что попросился на стройку, направили в Светогорск Ленинградской области (бывший Энсо). Строил, восстанавливал, но и здесь война следовала по пятам. Работал с Исой Махтиевым, с которым вместе бежали из концлагеря. У того уже детей к тому времени было мал мала меньше. Однажды к Бабаеву пришли "из органов", стали расспрашивать про Ису, который в ту пору был главным инженером Светогорского ЦБК.

Мамед - к своему начальнику пошел: надо спасти человека. Договорились: Иса завтра как ни в чем не бывало на работу придет, а к вечеру ему потихоньку оформят увольнение, купят билет и... Тогда, как ни странно, некоторым удавалось таким образом уйти от преследования, органы теряли намеченную "жертву"...

Тем начальником был Афанасий Семенович Сильченко. Вскоре его направили на строительство Котласского ЦБК. Перед расставанием он сказал Бабаеву: уезжай, иначе сцапают тебя энкэвэдэшники, а на Севере мы никому не будем нужны. И по приезде, в 1954 году, затребовал Мамеда в Коряжму телеграммой.

Много лет спустя Бабаев приехал в Баку с дочерью Тamarой. Идет северный аксакал по многомиллионному городу и оглядывается. Тамара подтрунивает над отцом: неужели ты думаешь, папа, что тебя здесь кто-то помнит? И вдруг: "Вы не Мамед Гейдарович?!". "Иса?!"...

Иса Мехтиев к тому времени стал уже академиком академии наук Азербайджанской ССР, консультировал множество специалистов предприятий Советского Союза. Надо ли говорить, какой была эта встреча? И можно предположить, какие слова говорил Иса, убеждая Мамеда вернуться домой, на землю предков. Но Бабаев уже знал, что похоронят его в Коряжме, которая стала судьбой, родиной, жизнью.

Много лет спустя в своей автобиографии он напишет о главных радостях, которые ему выпали. "Самые радостные дни были, когда я поступил в университет". "Самые радостные дни - когда окончилась война". "Самое радостное время - когда строил Коряжму".

В свой восьмидесятый день рождения 30 декабря 1985 года Бабаев сдал на "отлично" свой последний строительный объект - мебельный магазин на проспекте Ленина. И ушел "в отставку". С 1954 года его заботой были все социальные и жилые стройки Коряжмы. 31 год возводил он город. С первого колышка, с временного жилья...

"Под руководством опытных инженеров-строителей М.М. Воробьева, М.Г. Бабаева, Е.Н. Тряпицына, С.М. Ольховатского приступили механизаторы в марте 1954 года к осушению болота под строительство фундаментов ТЭЦ-1 и школы N10. Первую водоотводную траншею, связавшую между собой поймы рек Борщовка и

Копытовка, механизаторы проходили в условиях, когда экскаваторы шли по вершушкам скрытых в воде столбчатых кочек, высотой до двух метров, гусеничная лента полностью затоплялась водой...

Жителю сегодняшней Коряжмы трудно поверить, что на месте, где сейчас вход в кинотеатр "Родина", в болоте утопали до кабин одновременно три бульдозера и экскаватор, работавшие здесь на рытье котлована", - так писала строительная многотиражка.

"Хочу рассказать о человеке, которого все мы, строители СМУ-2, очень ценим и уважаем. Как и многие специалисты управления, я причисляю себя к его ученикам. Это прораб по отделочным работам нашего предприятия Мамед Гейдарович Бабаев", - строчки в "Двинскую правду" Василия Михайловича Винюкова в 1973 году.

Когда собирала материал о первостроителе, спросила ветеранов СМУ-2. Это правда, что люди его очень любили? "Не то слово! - ответили мне. - Мы его "дедушкой" звали". И каждый - с легким кавказским акцентом - процитировал не одну фразу Мамеда Гейдаровича. Типа такой: "Ты, Степан (Омельчук, тоже впоследствии ставший почетным гражданином города), не торопись. Будешь торопиться - некачественного не заметишь".

А еще они говорили, что ни один прораб, кроме Мамеда Гейдаровича, выше первого этажа не поднимался. Бабаева же интересовало все, будь то подвал или крыша. На строительство Коряжмы съехались совсем еще мальчишки и девчонки. Их всему нужно было учить. Что он и делал, по-отечески, терпеливо.

Чем Бабаев "брал" людей? Говорят, никогда "не залезал в карман рабочему", то есть не наказывал деньгами. Говорят, у него не воровали. "Зачем воровать?"

Приди, попроси, я тебе и так дам. Ты же в государственной квартире живешь, а государство обязано содержать квартиру приличной". Не терпел пьяниц. Но как! У Бабаева был свой "вытрезвитель". Если работяга уходил в запой, прораб сажал его "под ключ". А "содержащемуся под стражей" аккуратно носили из столовой завтрак, обед и ужин. Вспоминают, что почти не снимал резиновых сапог, персональная машина - в лучшем случае, водовозка.

Но если ехал по улице и видел, что идет рабочий, обязательно останавливался, протягивал руку и искренне интересовался: "Как дела?". Непреложная заповедь Бабаева: приветствуя начальство, никогда не протягивай руку первым, но обязательно протяни ее подчиненному. Он всегда считал: если ты начальник, обязан пахать больше всех. Люди у Мамеда Гейдаровича работали не за страх, а за уважение. Сдавали объект за объектом, поселок рос. И при жизни Бабаева был назван городом. В 1987 году прораб стал первым почетным гражданином Коряжмы.

Перед смертью Мамед Гейдарович написал в военные архивы письмо, чтобы получить подтверждение, что он воевал за Родину. Циничный пришел ответ: ваша фамилия в списках личного состава не значится... Странная получается штука: орденов не давали за то, что был в плену. Военнопленным может быть только воевавший. А в списках личного состава, оказалось, участник обороны Севастополя не значится...

Война опять ударила в сердце-Бабаев считал, что будет жить, покуда работает. И столько в Коряжме, пожалуй, не работал никто. Он очень любил русскую классику. И остаток жизни не расставался с книгами, приговаривая детям: я все время считал, что нет большего удовольствия, чем работа. А оказалось, столько радостей упустил...

У детей я и спросила: почему он так относился к людям? почему так не терпел, когда их унижают?

-Так ведь он сиротой был, он сам на себе все унижения испытал...

"Так город еще никого в последний путь не провожал. Дорогу, по которой несли гроб, люди забросали цветами", - написала газета "За коммунистический труд" после похорон Мамеда Гейдаровича Бабаева.

Спустя 51 год после приезда азербайджанского строителя в Коряжму, в год его столетнего юбилея, на доме, где Бабаев прожил 30 лет, будет установлена мемориальная доска. Фронтовику. Первостроителю. От благодарных горожан.

Надежда СУХОПАРОВА